

Чарская Лидия Алексеевна

Её величество любовь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Её величество любовь / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга по Требованию, 2024. – 132 с.

ISBN 978-5-521-29842-6

ISBN 978-5-521-29842-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

цѣлой струей отъ его безупречно сшитого свѣтлаго костюма и ударяетъ въ голову.

Муся чувствуетъ инстинктивное отвращеніе къ „любимцу публики“—или, вѣрнѣе, къ артисту частныхъ петербургскихъ театровъ, Думцеву-Сокольскому, привезенному братомъ Толей изъ столицы для постановки ихъ любительскаго спектакля.

Думцевъ-Сокольскій чувствуетъ себя здѣсь, въ этомъ чудесномъ уголкѣ Западнаго края, въ старинной усадьбѣ Бончъ-Старнаковскихъ, какъ въ раю. Полный отдыхъ на лонѣ живописной природы; отличная кухня, обиліе интересныхъ женщинъ, какъ вино, дурманятъ мозгъ актера. Очаровательная вдовушка, племянница хозяина, дѣйствуетъ на него, какъ бокалъ шампанскаго, своей эксцентричностью, обаяніемъ красивой, свободной женщины и „шикомъ“. Вторая дочь помѣщиковъ, Вѣра, величавая, строгая, замкнутая, со смуглымъ иконописнымъ лицомъ и суровыми глазами, возбуждаетъ его восторгъ и поклоненіе уже пного свойства, какъ цѣнителя всего сильнаго, какимъ воображаетъ себя Виталій Петровичъ Думцевъ-Сокольскій, не безъ основанія прозванный „любимцемъ публики“ шалуньей Мусей за его полныя самохвальства рассказы о бывалыхъ и небывалыхъ театральныхъ успѣхахъ.

Нынче онъ, какъ и всѣ находящіеся здѣсь въ залѣ мужчины, по-уши влюбленъ въ шикарную вдовушку, только что такъ умѣло продемонстрировавшую предъ ними модный танго. Но за вдовушкой ухаживать опасно. Ее безумно и безнадежно любить молодой хозяинъ дома, товарищескимъ отношеніемъ съ которымъ, хотя бы случайнымъ, завязавшимся за бутылкой шампанскаго, онъ, Думцевъ-Сокольскій, очень дорожитъ. Все-таки Анатолій Бончъ-Старнаковскій, продолжатель

древняго аристократическаго, когда-то польскаго, теперь вполне обрусѣвшаго, рода—богатый, блестящій офицеръ одного изъ лучшихъ кавалерійскихъ полковъ Россіи, и выступать его конкурентомъ на поприщѣ достиженій благосклонности очаровательной Ланской и не умно, и опасно. Да и незачѣмъ это, когда подъ рукою находится такая прелесть, какъ Муся! Она будитъ его, Думцева-Сокольскаго, уже притупленное воображеніе, затрагиваетъ пріумолкшіе голоса чувственности и пріятно волнуетъ его затрепанную въ безчисленныхъ закулисныхъ и свѣтскихъ интригахъ натуру.

— Прелесть моя! Дѣтка!—шепчетъ онъ, еще ближе наклоняясь къ поэтичной, съ короткими, какъ у мальчика, кудрями головкѣ.—Прелесть моя, почему вы не желаете провести на практикѣ то, о чемъ такъ смѣло проповѣдуете? А? — несколько не смущаясь присутствіемъ неотлучной мусиной

„— Вы прелестны!—говоритъ „любимецъ публики“, наклоняясь къ темнорусой головкѣ“. (Ст. 10.)

подруги, тихой, безцвѣтной Варюши, и уставясь своими бычьими глазами въ миниатюрное, неправильное личико, цѣдить сквозь зубы Думцевъ - Сокольскій.—А, дѣтка?

Дѣвочка поднимаетъ на него каріе искрящіеся глазки, и сейчасъ они мечутъ пламя.

— Во-первыхъ, не смѣйте называть меня дѣткой! Вамъ уже сто разъ говорилось это,—сердито роняетъ Муся.—А, во-вторыхъ, отодвиньтесь. Терпѣть не могу, когда мнѣ дышутъ въ лицо табаконъ.

Она, демонстративно выскользнувъ изъ-подъ руки опѣшившаго Сокольскаго, отбѣгаетъ въ дальній конецъ сцены, увлекая за собою и свою молчаливую подругу. Отсюда дѣвочки соскакиваютъ на полъ и прячутся въ глубокой нишѣ окна, за шелковой занавѣской. Оно раскрыто настежь, и вѣтерокъ слабо колышитъ занавѣску. Невидимыя никому изъ присутствующихъ въ залѣ подруги могутъ здѣсь перемолвиться словомъ.

— Терпѣть его не могу. Противно мнѣ это ухаживание,—все еще сердито говоритъ Муся.—Когда онъ руку цѣлуетъ, чувствуешь, точно жаба тебя коснулась, а вотъ когда Луговской—ничего, ни чуточки не гадко. А вѣдь онъ и некрасивый, и неинтересный, только что играетъ на роялѣ хорошо. Вотъ поди-жъ ты! Почему это, Варюша?—и пытливые каріе глазки такъ и пронзаютъ взглядомъ лицо подруги.

— Не знаю, Мусикъ, право, не знаю. Вѣроятно потому, что съ Луговскимъ ты давно знакома—вѣдь онъ бываетъ у васъ въ домѣ еще со времени своего пребыванія въ корпусѣ, а Думцевъ всѣмъ вамъ чужой,—тихо отвѣчаетъ блѣдная дѣвушка.

— Ахъ, не то, не то!—пылко перебиваетъ ее Муся.—Пойми, я люблю, чтобы за мной ухаживали, люблю ви-

дѣть себя окруженной мужчинами, люблю будить въ нихъ того, знаешь, злого звѣрька съ острыми зубами, который называется мужской страстью, и въ ихъ увлеченіи мною находить успокоеніе отъ моей постоянной болѣзни. Да, да, именно болѣзни, Варюша. Или ты не знаешь, что я ранена на-смерть, что о немъ только, о далекомъ и милонъ, моя мечта? Его я буду любить вѣчно. Цѣлая пять лѣтъ люблю его, съ одиннадцатилѣтняго возраста. Смѣшно сказать даже, а это—святая правда. Еще дѣвченкой я адски втюрилась въ него съ перваго взгляда и съ тѣхъ поръ мечтаю о немъ. Ты знаешь, пройдутъ еще два-три года—и я стану шипѣть, какъ старая дѣва, или ханжить, какъ Вѣрочка. Этого нельзя, того нельзя; это неприлично, то не принято. И все оттого, что онъ не для меня, что онъ—не мой. Я и теперь часто бываю зла, какъ кошка. Зина вѣдь хорошенькая? правда? и адски шипарна, правда? Но вотъ послушай, Варюша, совѣсть ты моя. Вѣдь ты—моя совѣсть, Варечка: только тебѣ одной я всю свою душу выливаю. Да, такъ вотъ нынче я нарочно про обезцвѣченные волосы Зины брякнула... Не вѣришь? Ей-Богу! Думала, если онъ меня не любитъ—мечта моя, сказка моя, греза моя далекая—такъ пускай же и всѣхъ другихъ меньше любятъ всѣ ихъ поклонники—и Китти, и Зину, и всѣхъ... Съ Зины я и начала. Собственно говоря, что въ ней хорошаго? Носъ туфлей, крашеная, рыжая, ротъ до ушей, однако все вмѣстѣ адски шикарно и тонко, и пикантно, и...

Муся хмурится, сжимаетъ крошечные кулачки, и скорбный огонекъ появляется въ ея глазахъ.

— Медамъ и мсье, прошу на сцену. Пора начинать второй актъ. Такъ мы никогда не дотащимся до конца

пъсы,—разносится по залу красивый, немного носовой голосъ „Любимца публики“, привыкшій къ тому, чтобы всѣ имъ восхищались.

Но его на этотъ разъ никто не слушаетъ. Вдовушка стоитъ предъ кресломъ Вѣры и, блестя зеленоватыми глазками и сверкая бѣлыми хищными зубками, говоритъ, обращаясь къ послѣдней, не то искренне, не то шутя:

— Боже мой, Вѣрочка, вотъ ты опять недовольна мною. Ну, да, да, я знаю... Ты — сама корректность, воплощенная добродѣтель и понятно опять осуждаешь безумную Зину за то, что она, насмотрѣвшись на всякихъ Бланшъ, Жильбертокъ и Маргошекъ, рискнула перенести ихъ искусство сюда, подъ сѣнь стариннаго аристократическаго дома, и продемонстрировать здѣсь отчаянное танго, которому мѣсто только въ зланныхъ, укромныхъ столичныхъ уголкахъ. Непростительное легкомысліе, не правда ли, Вѣрочка?

— Ну, знаете, кузиночка, я думаю, что тѣни предковъ, витающія подъ этой кровлей, весьма и весьма не прочь полюбоваться на такую шикарную исполнительницу-диллетантку, и прабабушки — я увѣренъ въ этомъ — уже дѣлаютъ сцену ревности прадѣдамъ за ихъ черезчуръ пылкое увлеченіе вами нынче,—смѣется Толя.

— Вы противный и потому молчите. Я говорю съ Вѣрочкой, а не съ вами. Слышите, Анатолий, молчать! — пухлою ручкой шутливо ударяетъ офицера по плечу вдовушка.

— Я умеръ,—паясничаетъ Толя.

— Ну, Вѣрочка, правду я говорю? — и ласково, по-кошачьи Зина жметъ къ своей строгой кузинѣ.

Та взглядываетъ на нее темными, безъ блеска глазами.

— Пустяки, Зина!.. ты же знаешь.

„— Вѣдь ты — моя совѣсть, Варечка: только тебѣ одной я всю свою душу выливаю“. (Ст. 12.)

Я не люблю только, когда ты выкидываешь свои эксцентричныя шутки при дѣвочкахъ. Муся и такъ преждевременно развита. Мама и Китти уѣзжая оставили ее на моемъ попеченіи.

— И останутся конечно вполне довольны результатами такого покровительства,—снова вмѣшивается въ ихъ бесѣду Анатолий. — У нашей Вѣры съ пеленокъ развиты педагогическія способности. Она была бы незамѣнимой воспитательницей въ какомъ нибудь *coivent* *) за границей. Вторая се-

*) Закрытое женское учебное заведеніе при католическихъ женскихъ монастыряхъ, куда обычно, до закона о закрытіи монастырей, французская аристократія отдавала на воспитаніе своихъ дочерей.

„— Я здѣсь... аккуратень, какъ видите, — говоритъ Рудольфъ Штейнбергъ“
(Ст. 16.)

стрица у меня—образецъ строжайшей дисциплины и соблюденія нравовъ.

— А ты все шутишь, Анатолій! — и Вѣра смотритъ на брата своими строгими глазами, но они уже полны выраженія нескрываемой нѣжности.

Мгновенно хорошеетъ ея холодное, замкнутое лицо и молодѣетъ сразу подъ наплывомъ теплаго чувства.

Всѣ онѣ три — она, Муся и отсутствующая старшая сестра Китти — горячо привязаны къ своему единственному брату, весельчаку, кутилѣ и милому вѣтренику Толѣ. Красавица Китти прозвала брата „Фру-фру“, и это прозвище какъ нельзя больше подходитъ къ юношѣ. Веселый, всегда ровный, общительный, рубаха-парень, что

называется, и доброты необычайной, Анатолій Владиміровичъ Бончъ-Старнаковский славится не только любимцемъ своей семьи, но и своего полка, и того кружка, въ которомъ онъ вращается. Но больше, чѣмъ кто либо другой, его любятъ мать, отецъ и сестры. И, глядя на брата и отвѣчая ему, даже холодная Вѣра находитъ въ себѣ тѣ изумительно не подходящія къ ея типу теплоту и нѣжность, которыя сейчасъ бросаютъ краски въ ея смуглыя щеки и зажигаютъ лаской ея строгіе, молчаливые глаза.

— Господа! Еще разъ призываю васъ всѣхъ къ порядку, — надрывается „любимецъ публики“. — Я начинаю речетицію и прошу васъ молчать, — и онъ отчаянно звонитъ въ колокольчикъ.

— А гдѣ же остальные исполнители? Гдѣ Маргарита Федоровна? Гдѣ „Попугайчики“? Гдѣ Рудольфъ? — пулей вылетая изъ-за шелковой занавѣски, кричитъ Муся.

— Они подойдутъ къ своей сценѣ. „Попугайчики“ дали слово быть непременно.

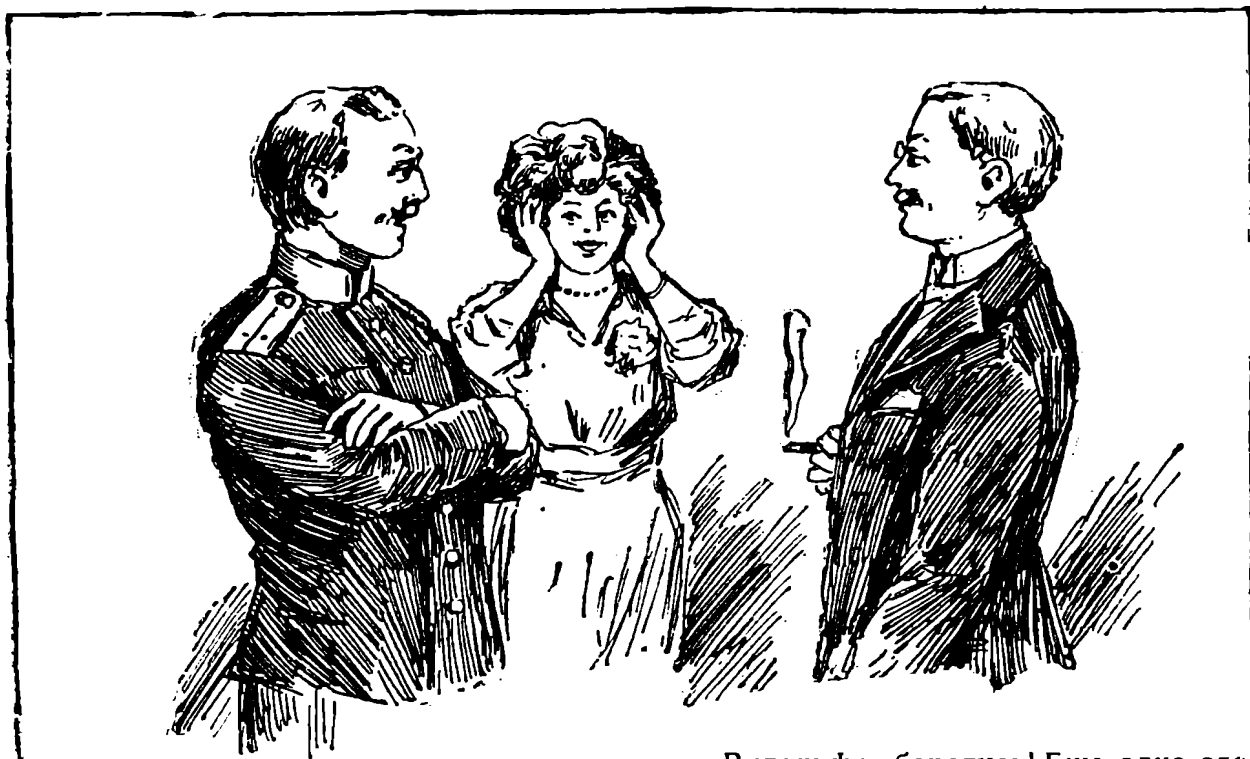
— А Рудольфъ?

— Я здѣсь.

Всѣ взоры обращаются къ двери.

На порогѣ зала стоитъ высокая, плечистая, съ военной выправкой, фигура молодого человека. На немъ прекрасно сшитый штатскій костюмъ, подчеркивающий эту безукоризненную фигуру. Крупная, тщательно причесанная на проборъ бѣлокурая голова, подстриженные рыжевато-бѣлокурые усы холодные, немного выпуклые, цвѣта стали, глаза, смотрящіе какъ-то ужъ слишкомъ прямо и напряженно, и яркій малиновый ротъ съ большими бѣлыми зубами, обнаженными сейчасъ въ улыбку.

— Я здѣсь... аккуратень, какъ видите, — говоритъ вновь прибывшій, какъ-то странно, точно не по-русски,

выговаривая слова и все еще улыбался одними губами, тогда как глаза продолжают оставаться серьезными.

— Ага! Мсье Штейнберг! Отлично! Прыгайте сюда къ намъ, и начинаемъ репетицію. Живо!—командуетъ „любимецъ публики“, издали театральнымъ жестомъ привѣтствуя вновь пришедшаго.

Рудольфъ Карлъ Августъ фонъ Штейнбергъ—сынъ Августа Карловича Штейнберга, стараго управляющаго Отраднымъ, имѣніемъ Бончъ-Старнаковскихъ,—красивой и легкой походкой переходитъ залъ и, такъ же легко и красиво, минуя лѣсенку, ведущую на подмостки, поднимается туда, ухватившись руками за доски пола и напрыгая и безъ того сильные мускулы.

— Адски ловко! Bravo, Рудольфъ, bravo!—кричитъ въ восторгѣ Муся и хлопаетъ въ ладоши.

— Что и говорить!.. скульптура!—улыбается Толя.

„— Рудольфъ, берегись! Еще одно слово кузины въ твою пользу — и готовъ маузеры,—и Анатолій дѣлаетъ трагическое лицо!“ (См. ниже.)

— Мсье Рудольфъ, сколько пудовъ вы выжимаете одной рукой?—кокетливо стрѣльнувъ въ его сторону чуть подтупеванными глазками, осведомляется Зина.

— Рудольфъ, берегись! Еще одно слово кузины въ твою пользу—и готовъ маузеры. Двадцать шаговъ разстоянія, завтра, на восходѣ солнца, за садомъ. Луговской — мой секундантъ; твой—„любимецъ публики“, — и Анатолій дѣлаетъ трагическое лицо.

— Ай, какъ страшно! Молчите, молчите! Я не выношу крови!—хохочетъ Зина.

За нею смѣются остальные. Ужъ очень забавенъ Анатолій со своими вращающимися во всѣ стороны глазами и рыкающимъ голосомъ.

Одна Вѣра остается серьезной. Съ минуты появленія Рудольфа Штейнберга здѣсь, на порогѣ бѣлаго зала,

что-то странное происходит съ дѣвушкой. Ея черные глаза ярко загораются, тонкое лицо вспыхиваетъ темнымъ румянцемъ смуглянки, и Вѣра Бончъ-Старнаковская въ этотъ мигъ становится настоящей красавицей.

II.

Вотъ уже вторую недѣлю репетируется здѣсь, въ большомъ бѣломъ залѣ Отраднаго, исполнителями - дилетантами чудесная, полная скрытаго трагизма и внѣшне обвѣянная голубыми крыльями поэзіи, популярнѣйшій пьеса Чехова „Вишневый садъ“. Предстоящій спектакль является подаркомъ младшихъ членовъ семьи ея старшему представителю и главѣ, Владиміру Павловичу Бончъ - Старнаковскому, очень крупному чиновнику дипломатическаго міра и помѣщику, владѣльцу одного изъ прекраснѣйшихъ имѣній Западнаго края, расположеннаго неподалеку отъ прусской границы.

Семья Бончъ-Старнаковскихъ, благодаря службѣ и положенію самого Владиміра Павловича, принуждена вести открытую жизнь въ Петербургѣ. Домъ тайнаго совѣтника Бончъ-Старнаковскаго поставленъ на широкую ногу. Бывшіе петербургскіе кружки общества считаютъ необходимою бывать у Старнаковскихъ на ихъ четвергахъ. Ихъ ложу знаютъ всѣ почитатели перваго абонементна Императорской оперы. На *soirées huppées* *) отличаются въ обществѣ брата и его товарищей по оружію обѣ старшія барышни: и красавица Китти, и вторая смуглая, похожая на монахиню, Вѣра. Младшая, Муся, еще учится въ одномъ изъ фешенебель-

ныхъ институтовъ столицы. Всюду, на всѣхъ аристократическихъ балахъ появляются старшія барышни Бончъ-Старнаковскія; ихъ знаетъ весь высшій свѣтъ Петербурга.

Семья Бончъ - Старнаковскихъ является послѣдней представительницей стариннаго польскаго аристократическаго, теперь давно уже обрусѣвшаго, рода. Когда-то предки Бончъ-Старнаковскихъ гремѣли на весь Западный край и во времена свободной Польши являлись маленькими царьками-магнатами.

Увы! отъ всего прежняго магнатства предковъ потомкамъ остались теперь лишь одно славное имя да большое имѣніе въ сердцѣ Польши.

Это имѣніе, сданное на полное попеченіе честнѣйшаго въ мірѣ нѣмца, Августа Карловича Штейнберга, ежегодно и очень охотно въ лѣтнее время посѣщалось, несмотря на далекое разстояніе отъ столицы, его владѣльцами.

Самъ Владиміръ Павловичъ Бончъ-Старнаковскій пріѣзжалъ сюда погостить на какія нибудь двѣ-три недѣли, чтобы отдохнуть на лонѣ деревенской природы; но это случалось тогда, когда ему не представлялась хотя бы малѣйшая возможность ѣхать за границу, гдѣ онъ отъ времени до времени лечилъ расшатанную нервную систему. Его супруга, Марья Дмитріевна („генеральша“, въ устахъ прислугъ, постольку, поскольку и самъ онъ, тайный совѣтникъ, являлся для нихъ „генераломъ“), ежегодно лечила въ Карлсбадѣ свои больныя почки. Мужъ обыкновенно провожалъ ее туда и ѣхалъ дальше. Но въ это лѣто совмѣстная поѣздка не удалась; дѣла удержали „генерала“ въ Петербургѣ, и Марья Дмитріевна принуждена была ѣхать въ Карлсбадъ со старшей дочерью, красавицей Китти, и ея же-

*) Состязанія въ верховой ѣздѣ, устраиваемыя обычно въ Великомъ посту въ Михайловскомъ манежѣ, въ Петербургѣ.

„Роль Шарлотты Ивановны репетировала Маргарита Федоровна, старая дѣва, ненавистница мужчинъ“. (Ст. 24.)

нихомъ, Борисомъ Мансуровымъ, молодымъ, но уже подающимъ надежды, чиновникомъ.

Несмотря на отсутствіе трехъ членовъ семьи, въ Отрадномъ было исключительно весело въ это лѣто. Главѣ семейства удалось нынче вырваться на нѣсколько дней изъ душной столицы въ старое родовое гнѣздо. Удалось и его сыну Анатолю урваться на короткое время изъ лагеря со своимъ другомъ, Никсомъ Луговскимъ, и прилетѣть въ милое Отрадное, гдѣ съ самаго начала лѣта жили его сестры, Вѣра и Муся, гостили очаровательная вдовушка, ихъ кузина Ланская, и подруга Муси, Варя Карташова. Старый прадѣдовскій палаццо дрожалъ отъ взрывовъ молодого, часто безпричин-

наго смѣха, отъ громкихъ, радостныхъ голосовъ, звуковъ музыки и хорового пѣнія.

Весь этотъ домъ со своимъ двух-свѣтнымъ, перерѣзаннымъ большими колоннами, заломъ, со своими хорами и старинными диванами, эффектно дисгармонировалъ съ молодымъ, рѣзвымъ и веселымъ обществомъ, собравшимся въ немъ. А оно чувствовало себя прекрасно и въ бѣломъ залѣ съ колоннами, и въ портретной галлерей, и въ биллиардной, словомъ, во всемъ этомъ прадѣдовскомъ гнѣздѣ, гдѣ, казалось, въ темныя загадочныя ночи еще впитали тѣни умершихъ предковъ. Въ густыхъ, тѣнистыхъ аллеяхъ сада съ его безчисленными затѣями, съ его классическими статуями, гротами и воздушными кружевными бесѣдками, повисшими надъ старымъ прудомъ,—въ этомъ густомъ, тѣнистомъ саду все еще дышало таинственной прелестью старой родовой саги. Она рассказывала о миломъ быломъ, ткала чудесные узоры вымысла, переплетенные съ былью, о гордыхъ паннахъ и паленкахъ со жгучими очами и о блестящихъ рыцаряхъ Свободной Польши, носившихся въ лихой мазуркѣ и удаломъ краковякѣ и умѣвшихъ не одними только боевыми подвигами завоевать себѣ благосклонность кокетливыхъ красавицъ.

Увы! времена прекрасныхъ рыцарей и гордыхъ паненокъ давно миновали, и нагляднымъ воспоминаніемъ о минувшемъ являлись только старыя портреты въ полуоблупившихся золоченыхъ рамахъ на стѣнахъ современной портретной галлерей.

Впрочемъ и все Отрадное уже не представляло собою прежняго маленькаго царства польскихъ магнатовъ, вельможъ стараго времени. Оно значительно сократилось въ своихъ размѣрахъ. не имѣло тысячъ даровыхъ

работниковъ, руки которыхъ являлись безконечнымъ источникомъ золота для безпечныхъ пановъ - хозяевъ. Однако оно все же было очень доходно. Нѣмецъ-управляющій сумѣлъ на свой ладъ культивировать обрусѣвшее помѣстье, и—надо отдать ему полную справедливость—ввелъ здѣсь образцовый порядокъ. Въ сравнительно недолгій срокъ подъ его ловкими руками возродилось запущенное было помѣстье. Теплицы и оранжереи наполнились плодами, овощами, цвѣтами; изъ-за границы были выписаны рѣдкія породы розъ, любимыхъ цвѣтовъ „генеральши“; сильные, сытые рабочіе лошади и породистые граціозные кони подъ-верхъ и запряжку красовались въ тщательно отремонтированныхъ конюшняхъ; рогатый скотъ не оставлялъ желать ничего лучшаго. Не менѣе успѣшно шли и огородничество, плодоводство, и—главное—полевое хозяйство. Пять тысячъ десятинъ, оставшихся потомкамъ бывшихъ магнатовъ, давали довольно крупную цифру дохода нынѣшнимъ владѣльцамъ. Словомъ, Отрадное вполне оправдывало свое назначеніе, и притомившіеся въ зимній сезонъ Бонть-Старнаковскіе могли съ успѣхомъ отдохнуть въ лѣтніе мѣсяцы на лонѣ природы.

III.

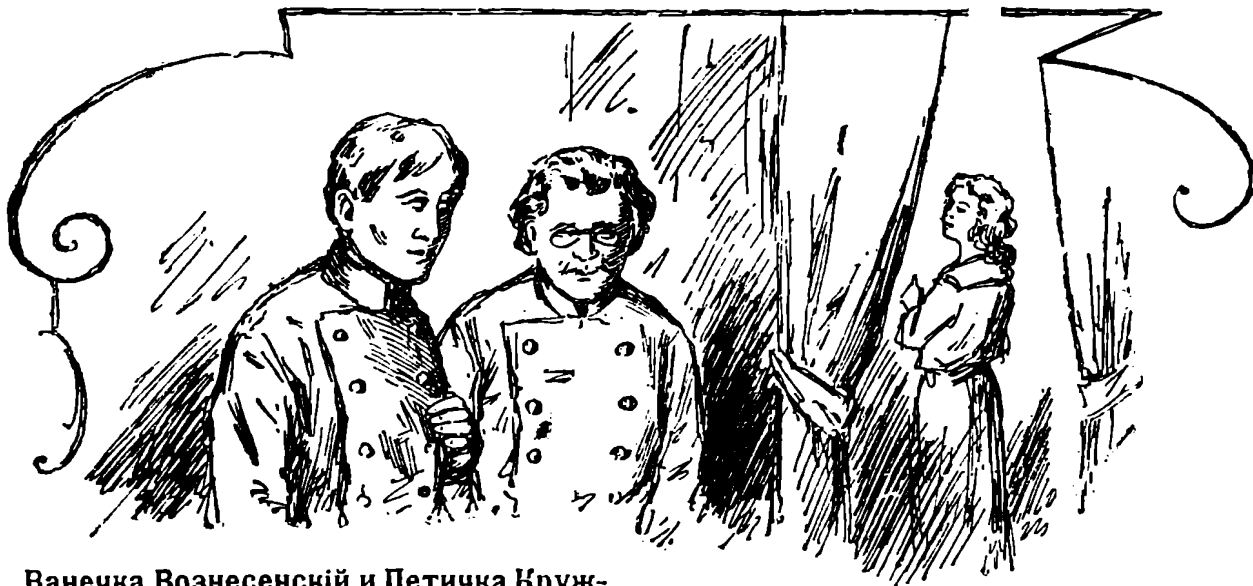
Ночь, душистая, трепетная, ароматная. Кажется, будто темная, душистая влага, пролитая изъ незримаго фіала-колосса, опрокинушагося надъ землей, такъ и застыла въ воздухѣ, полномъ таинственныхъ, непроницаемыхъ, опьяняющихъ чаръ, нѣжащей, знойной мглы, заставляющей мечтать о серебряной сказкѣ мѣсяца, о золотыхъ огняхъ высокаго неба—гордыхъ и ласковыхъ звѣздахъ.

Но сегодня черная бархатная мгла ревнива. Она грозно стережетъ непро-

ницаемость своего мягкаго покрывала—ни мѣсяца, ни звѣздъ, ни серебряной, ни золотой сказки.

Нашумѣвшись, накричавшись и наспорившись вдоволь, молодежь разошлась послѣ ужина по своимъ комнатамъ. Чернота ночи и знойная духота ей помѣшали прогулкѣ. Назавтра рѣшено было подняться пораньше, чтобы репетировать, репетировать и репетировать безъ конца. Спектакль, припоровленный ко дню рожденія главы семейства, былъ не за горами. Послѣ него должна была разѣхаться вся мужская половина общества: самъ старшій хозяинъ дома, Коля, Никсъ Луговой и „любимецъ публики“.

Послѣдній весь отдался сейчасъ постановкѣ спектакля. Онъ мастерски распредѣлялъ роли: самъ взялъ себѣ благодарную, трудную и красивую роль старѣющаго кутилы - барина, разорившагося помѣщика Геева, ту, которую такъ неподражаемо велъ на образцовой сценѣ покойный Далматовъ; его сестру, кокетливую, обаятельную, чуждую предразсудковъ, легкомысленную барыньку, играла Зина Ланская; ее дочь, прелестнаго, поэтичнаго ребенка Аню,—Муся; Варя должна была изображать горничную Дуняшу, типичную вскормленницу господъ. Роль Вари, старой и спокойной пріемной дочери Раевской, поручилъ Вѣрѣ, великолѣпно подходившей къ ея типу, роль же гувернантки Ани—Шарлотты Ивановны—репетировала экономка Маргарита Федоровна, старая дѣва, ненавистница мужчинъ, крикливое и несноснѣйшее въ мірѣ существо. Безподобенъ былъ уже и теперь, на репетиціяхъ, лакей Яша въ исполненіи Толи; Трофимова игралъ сынъ священника Вознесенскій, студентъ духовной академіи, а Лопахина—жесткаго, молодого, но „изъ раннихъ“, купца - кулака, купившаго Вишневый садъ у

„Ванечка Вознесенскій и Петичка Кружна ужасно стѣснялись, держались безотлучно одинъ подлѣ другого и оба въ одинаковой мѣрѣ и силѣ влюбились въ Мусю. Она называла ихъ „Попугайчики““. (См. ниже.)

бывшихъ господъ своего отца-крѣпостного,—Рудольфъ Штейнбергъ. Комическую роль управляющаго взялъ на себя Никсъ Луговской; роль лакея Фирса поручили другому студенту, товарищу Ванечки Вознесенскаго, Петру Петровичу, посившему крайне комическую фамилію Кружка. Оба юноши, за неимѣніемъ другихъ исполнителей приглашенные въ аристократическій кружокъ богатыхъ помѣщиковъ, чувствовали себя здѣсь не въ своей тарелкѣ, ужасно стѣснялись, краснѣли, потѣли, держались безотлучно одинъ подлѣ другого и оба съ самаго начала репетицій въ одинаковой мѣрѣ и силѣ влюбились въ Мусю. Она отъ души смѣялась надъ ними и за глаза постоянно называла ихъ „Попугайчиками“.

Весь старый палаццо погруженъ въ глубокій сонъ, и только въ одномъ окнѣ его виденъ привѣтливый огонекъ свѣчи. Вѣра Бончъ-Старнаковская еще не легла; она сидитъ предъ зеркаломъ и, машинально глядя въ его шлифованное стекло, запле-

таетъ въ толстую косу на почъ свои пышные, длинные, черные, какъ прятанная за окномъ ночь, волосы. Эти волосы — единственное богатство вышности Вѣры; они примиряютъ ихъ обладательницу съ остальными недочетами ея: съ безжизненнымъ, никогда не отличающимся свѣжестью, старобразнымъ лицомъ, съ сухою, костлявою, слишкомъ прямою фигурой, съ мрачными, суровыми глазами и строго сжатыми губами.

Вѣра доплетаетъ косу, но ея чуткое ухо ловитъ малѣйшій звукъ въ саду.

Даже глаза какъ будто прислушиваются; они темные, обычно спокойные—теперь какъ-то тревожны, напряжены.

„Неужели не придетъ? Неужели чтонибудь помѣшаетъ? Неужели, какъ и въ прошлую ночь, помѣшаетъ опять?“ — проносится въ ея головѣ, и червно, сильно, до боли сильно бьется въ груди мятежное сердце.

Все обычное спокойствіе измѣняетъ дѣвушка; она то и дѣло отводитъ гла-

за отъ зеркала и бросаетъ взглядъ въ бархатную мглу ночи.

Что это? Кажется, огонекъ? Ну, да, это — онъ, его огонекъ, его сигара. Или нѣтъ... она ошиблась снова — не онъ...

„Ты — сама воплощенная добродѣтель!“ — слышится Вѣрѣ откуда-то издали звонкій голосъ Зины Ланской, и она багрово краснѣетъ. Это она-то — добродѣтель, Вѣра Бончъ-Старнаковская, какъ преступница, выжидающая каждую ночь позднего ночного часа, чтобы урывкомъ, мелькомъ перекинуться словомъ съ тѣмъ, кого она любитъ пламенно и бурно, со всею страстностью и силой своего рода, въ жилы котораго влита лава, а не кровь? Недаромъ она худѣетъ, недаромъ темные круги замыкаютъ кольцами ея суровые глаза. Которую уже ночь она не спитъ, ожидая, когда все утихнетъ и успокоится въ домѣ, а тамъ безконечныя бесѣды съ любимымъ вплоть до разсвѣта, до первыхъ предразсвѣтныхъ сумерекъ утра.

О, какая мука и какое блаженство — эти ихъ ночи, о которыхъ никто и нискогда не узнаетъ, не долженъ знать! Это — ихъ тайна, ихъ счастье. Она, Вѣра, не крадетъ этого счастья ни у кого. Она свободна. Неужели она не имѣетъ права хотя бы на крупницу такого счастья, какимъ пользуется ея сестра Китти, уже ставшая невѣстой любимаго человѣка? Или оттого только не имѣетъ, что она некрасива? Вздоръ какой! При чемъ тутъ красота? Онъ любитъ ее такую, какая она есть, а она, она..

Вѣра, едва не задохнувшись, спѣшитъ къ окну, смотритъ съ минуту и чуть не вскрикиваетъ отъ радости: огонекъ свѣтится теперь совсѣмъ близко отъ ея окна.

— Вы? — шепчетъ она такъ звонко, что этотъ шепотъ достигаетъ до ушей

того, кто, укутанный мглою, притаился подъ ея окошкомъ.

На мгновеніе ярче вспыхиваетъ огонекъ и, описавъ искрящійся вольтъ, совсѣмъ исчезаетъ изъ вида. Изъ темноты ночи на площадку предъ домомъ, чуть освѣщенную огнемъ свѣчи, горячей въ комнатѣ Вѣры, выступаетъ рослая, сильная фигура.

— Вы? — еще разъ почему-то спрашиваетъ Вѣра, хотя отлично видитъ, что это — онъ, тотъ, къ кому стремится ея сердце, кого зоветъ неустаннымъ зовомъ душа.

— Фрейлейнъ Вѣра, какъ вы не осторожны! Эта свѣча... Могутъ увидѣть, и тогда... — чуть слышно звучитъ заглушенный мужской голосъ.

— О, я ничего не боюсь! Я васъ люблю, вы же видите. Я люблю васъ безумно, Рудольфъ, и пойду для васъ на все, — со страстью и силой вырывается изъ груди дѣвушки.

— Дорогая фрейлейнъ Вѣра! — странно закругляя своей особенной манерой фразы, отвѣчаетъ Штейнбергъ, — вы же знаете, что я самъ люблю васъ больше жизни. Вы же знаете это. Я каждое мгновеніе готовъ пожертвовать собою для васъ, ради вашего спокойствія и счастья, охотно дамъ выпустить каплю за каплей всю кровь изъ моихъ венъ, милая дѣвушка. Но пока, вы же знаете, я долженъ молчать о своей любви. Кто вы и кто я — подумайте сами, фрейлейнъ Вѣра! Вы — Бончъ-Старнаковская, красавица, богачка, представительница стариннаго рода, я же — маленькій офицеръ прусскаго гарнизона, ничтожный, маленькій армейскій офицеръ, живущій на пару жалкихъ сотенъ марокъ въ мѣсяцъ. Что я могу предложить вамъ взамѣнъ того, что вы потеряете, ставъ моею женой? Да и господинъ совѣтникъ не позволитъ вамъ этого. Онъ не допуститъ такой ничтожной партіи